

Светлана Зайцева

Стихотворения

Светлана Анатольевна Зайцева, поэт, переводчик (немецкий язык). Родилась в 1969-м году в г. Люберцы Московской области в семье будущего дипломата. В 1992-м году окончила Московский Государственный Лингвистический Университет, долго жила и работала в Германии. В настоящее время живёт в Москве. Мать троих детей: Владимира, Анастасии и Екатерины. Автор двух книг стихов: «Бабочка в храме» («Озарение», Новокузнецк, 2003) и «Фабрика облаков» («Серебро слов», Коломна, 2019). Публикации в журналах «Смена», «Юность», «Работница», «Европейская словесность», «Русский писатель» и др., в нескольких альманахах. Лауреат Пушкинского конкурса «С веком наравне» в номинации «Поэзия» (2002). Участница Третьего форума молодых писателей России (2003). Некоторые стихи положены на музыку. Своими учителями в поэзии считает Владимира Высоцкого и Марину Цветаеву.

Лейпциг. Собор Святого Петра

Мне был открыт первоначальный цвет
Любви и горя. Вкус вина и крови.
– Поверьте мне, ему названья нет
На языке, что лжёт и суесловит!

Смиритесь с тем, что не опишет стих
Боярышника у стены собора,
Которому судьба – замерзнуть скоро
Пред каменными ликами святых...

Пусть комья птиц на ледяных ветвях
Смутят в пустом неведеньи живущих.
Пусть на мгновенье их коснётся страх
Смертей: минувших, нынешних, грядущих

Подобно стае серых голубей
Вне времени летящих и сквозь время.
Душа слепа. Она отныне с теми,
Кто верует, не помня о Судьбе

Немецкая школа

Кое-что ты знаешь.
Теперь давай о другом.
Но как равный с равным –
Не девочка-недотрога!
В умной книге прочла:
«По-немецки – только с врагом.
По-французски – с женщиной.
И на латыни – с Богом».

Про немецкий – правда:
Совсем не дамский язык.
Но не мне выбирать:
Биографию делал папа.

По себе стругал
И нежничать не привык:
До сих пор по-русски –
Коряво и косолапо.

Я дружила с рыжей.
Её – за красу волос,
А меня – за пустяк:
(Принадлежность к славянской расе)

Мордовали страшно:
Со взрослой злостью, всерьёз.
Мы за первой партией
Вместе сидели в классе.

Немцы в «яблочко» лупят,
А русские – в «молоко».
Я дралась, как могла.
Защищала младшего брата.

Разучилась плакать.
Ты думаешь, так легко

Быть в Германии дочкой
Советского дипломата?!

Мать – лишь шмотки да тряпки.
А сказки мне на ночь – он.
И, ответив честно
На детские «вас-ист-дасы»,

Папа жизни учил:
«Улыбайся – первый закон».
Во второй, и в третий,
и в сотый раз:
«Улыбайся!»

Худо-бедно умею.
Тому же учу детей –
И ошибки их робкие
С русской тоскою вижу.

Кое-что всё ж усвоила я
С молодых ногтей:
Если бьют – то к брату.
И уважаю рыжих!

Как дуреха,
В чернилах пальцы испачкав
свои,
Назубок затвердив
Все неправильные глаголы,

Знаешь, что я любила?
– Ставить точки над і.

И люблю до сих пор.

Немецкая, братец, школа...

Германские мотивы

*Т к р зминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Бр чное дело решив – мечом.
М рин Цвет ев*

Шесть раз облетала с высоких деревьев листва,
Шесть раз возвращались к заброшенным гнёздам пичуги,
А я всё старалась найти дорогие слова
И слабые звенья в твоей неприступной кольчуге.

Ударю нагайкой по крупу гнедого коня.
Не в светлом лесу – я иначе, иначе погибну!
До первого снега не ждите обратно меня.
Будь счастлив, мой Зигфрид! Люби свою дуру-Брунгильду.

Но рыжие гривы, как два языка, сплетены.
Один на двоих этот обруч – калёный, железный.
И мы доживём до седьмой, настоящей весны.
Мы оба, дружище, в клокочущем Рейне исчезнем.

Вослед мне летит остриё – ледяное «прости».
– А я тебя, Зигфрид, ещё в прошлой жизни простила!
Тебе одному этот крест безутешный нести.
Кто старое вспомнит... Не помню! Что было, то сплыло.

Промчусь мимо башни и древних дубовых ворот.
– Что станется с нами? Не знаю, мой Зигфрид, не знаю!
Но песня – не ждёт и стрела негодяя – не ждёт.
Под левым ребром долгожданная осень седьмая.

Город Мефистофеля

...А мне в ту ночь приснился младший брат:
Смущенный взгляд и чуть курносый профиль,
И город, где картаво говорят,
Где правит забулдыга-Мефистофель...

По ярмарке рождественской мы шли
И по-саксонски тихо говорили.

И выгибали гладкие рули
Летающие в Берлин автомобили.

Братишка мой по имени Сергей
За три минуты мне устроил визу.
И вот иду среди башен и огней,
И Лейпциг – настоящий Лейпциг! – вижу.

Пускай не сон, пускай – пустой каприз!
(Я жду зимы, как зайцы ждут Мазая),
А по ночам без паспорта, без виз
Места родные тайно навещаю...

Лепнина анонимного метро,
Эклектика и траурные марши...
Побыть занятно младшею сестрой,
Но я всю жизнь была сестрою старшей.

О Tannenbaum

*О Tannenbaum, о Tannenbaum...
(немецк я песня)*

На войне не наряжают ёлок.
Очень редко. Только в блиндажах.
Спит холодный выжженный посёлок.
Тишина на чёрных этажах.

Мирной жизни солнечный осколок
Вдруг, как в сказке, примечтался мне...
На войне не наряжают ёлок.
Ну какая ёлка – на войне?!

В кружке – кипяток. Святое дело!
Спирта нынче нам не завезли.
Ёлка всех спасала – как умела:
Радость долгожданная вдали...

Худенькие, с бедной рыжей чёлкой,
На таких и держится земля!

Медсестрички наряжают ёлки
В медсанбатах и госпиталях.

Ёлка – для влюблённых – и не только –
Пусть нам в кровь добавит кипятка!
Кисло-сладкой мандаринной долькой
Угощу смешного паренька.

Глянь в окно! Танцуют по соседству.
С ёлкой – и теплой, и веселей!
К нам на праздник постучалось детство
Обожжённой веточкой своей...

Над Германией

Дождь – в России. Над Берлином – солнечно.
В сеть попалась щукою звезда.
– Мне б смолчать, да не хватает совести...
Золотые дремлют города.

Стану я на миг смешной и маленькой.
– Не летаю уж который год!
Но расправит крылья над Германией
Наш, родной, российский самолёт...

С молотка не всё, по счастью, продано.
В черепки – мой мейсенский фарфор!
Я-то знаю, что такое – Родина.
Потому и плачу – до сих пор...

Пусть слепое давешнее горюшко
Камнем ледяным пойдёт ко дну!
Ждут меня родные шпильки гордые,
И Москва, в которую – вернусь.

Кровоподтёк

Как смею быть красивой в дни войны?
Стыжусь на шею, волосы и руки.

Кому среди сиротства и разрухи
Глаза мои зелёные нужны?

Я виновата тем, что я красива
Еловой ветвью в траурном венке
И розой в восковой руке России,
Живую розой в восковой руке.

А мне бы быть багровым, винным, алым
Соцветьем на распяты божества,
И, коль о ели речь, то длиннопалой,
Языческой ветвью Рождества...

Об этом ли в войну? Беспрекословно
Сорит собою сумрачный венки.
В российских пальцах, жёстких и бескровных,
Нежнейшего цветка кровоподтёк.

февраль 1991

За мгновение до третьей мировой...

За мгновение до третьей мировой
Утону в осенних травах с головой...

Будет вечер после ливня синь и свеж,
Будет жизнь полна несбыточных надежд,
Будут песни в предзакатной синеве
И вода от долгих ливней на траве.

Оборвётся паутинки тонкой нить,
Но ещё не будет поздно изменить
И понять всю мудрость старых книг...

Это будет миг. Последний миг.

Будет где-то радио играть.
Будет день последний догорать...

Будет мир обычный и живой
За мгновение до третьей мировой.

1985-1986